

Игорь Юдович

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ и Ближний Восток

Палестинская проблема и еврейский вопрос

Игорь Юдович

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ и Ближний Восток

Палестинская проблема и еврейский вопрос

БОСТОН • 2026 • BOSTON

Игорь Юдович

Соединённые Штаты и Ближний Восток (1780–1948)

Палестинская проблема и еврейский вопрос

IGOR YUDOVICH

The United States and the Middle East (1780–1948)

The Palestinian Issue and the Jewish Dilemma

Copyright © 2005-2025 by Igor Yudovich

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without written permission from the copyright holder, except for the brief passages quoted for review.

ISBN 978-1-970342-03-1

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2025

Cover Design by Larysa Studinskaya © 2025

Images: Wikimedia Commons and Wikipedia / Public Domain

Printed in the United States of America

To my grandkids — Andrew, Michael, Ilan

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
<i>Глава первая</i> БЕРБЕРСКИЕ ВОЙНЫ	13
<i>Глава вторая</i> АРАБИСТЫ	89
<i>Глава третья</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ, ИЛИ ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕНАТОРА ГАРРИ ТРУМЭНА	123
<i>Глава четвертая</i> ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ 1945–1948 ГОДОВ В БОРЬБЕ ЗА ПРИЗНАНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ	153
<i>Глава пятая</i> РЕЗОЛЮЦИЯ ООН № 181. БОРЬБА ДО ПОСЛЕДНЕЙ СЕКУНДЫ	267
<i>Глава шестая</i> ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В АМЕРИКЕ. ОБ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ ДИСКУССИИ	285
<i>Приложение</i> КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АНТИСЕМИТИЗМА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МИРЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ	324
<i>Послесловие</i> Михаил Рейз: ВЗГЛЯД ИЗ СЛЕДУЮЩЕЙ ЭПОХИ	352

ПРЕДИСЛОВИЕ

Rome was not built in a day

На землях, которые сегодня называют Ближним и Средним Востоком, испокон веков жили большие и не очень большие народы. Но после Второй мировой войны одним из главных действующих лиц, а вскоре и наибольшим влиянием в регионе пользуется государство, расположенное за тысячи километров и в населении которого арабы, персы, турки и евреи составляют совершенно незначительное меньшинство. Этому должно быть объяснение. Нефтяные интересы, как бы важны сегодня они не были, на мой взгляд, объясняют это только частично. Я попытаюсь показать, что у США с самого зарождения независимого государства и задолго до его нынешнего статуса экономического гегемона и «мирового жандарма» были серьёзные геополитические и экономические интересы на Ближнем Востоке. Но не только. Двумя другими, не менее важными историческими факторами, которые способствовали вовлечению Соединённых Штатов Америки в события и конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, была весьма необычная история знакомства с регионом и последующая за этим эпоха христианского миссионерства: оба этих фактора влияли и, возможно, будут продолжать влиять на отношение США к событиям в регионе.

Начиная с утверждения христианства, а затем ислама, проблемы региона были в основном религиозные. Но где-то с конца XIX века главным противоречивым и до нашего времени всё ещё неразрешимым вопросом Ближневосточного региона стала так называемая «Палестинская проблема», проблема всё более политическая или, если использовать модный термин — геополитическая. Как нам сегодня уже очевидно, исторически сравнительно новая «Палестинская проблема» тысячами связей переплетена с куда более древним «еврейским вопросом», на решение

которого по-разному, часто антагонистически по-разному, смотрят евреи диаспоры, евреи вновь воссозданного Израиля, представители христианского и мусульманского мира. Соединённые Штаты, имея большую еврейскую диаспору, не могли не оказаться вовлечёнными в попытки решения или хотя бы сглаживания региональных противоречий, важных для Великобритании, Франции, СССР и других заинтересованных стран. С возникновением в 1948 году государства Израиль, по существу, ничего не изменилось, борьба интересов разве только усилилась.

Дипломатическим, религиозным, военным и политическим взаимоотношениям Соединённых Штатов Америки с государствами Ближнего Востока, а также связанными внутривнутриполитическими, социальными и религиозными конфликтами в самой Америке и посвящена эта книга.

В *первой главе* будет рассказано о неожиданно быстром, «тесном» и малоприятном знакомстве только что возникшей республики с государствами, политикой и культурой Ближнего и Среднего Востока. В частности, я попытаюсь показать, как события на Ближнем Востоке стали причиной, по которой дала трещину завещанная отцами-основателями США традиция изоляционизма по отношению к иностранным государствам.

Во *второй главе* — краткое описание истории американского протестантского миссионерства на Ближнем Востоке, его влияния на политические решения в регионе и историю его срастания с американской дипломатической бюрократией. Попутно, я надеюсь показать, как одним из непредвиденных последствий миссионерства стал широко известный институционный антисемитизм Госдепартамента (Министерства иностранных дел) США, уже тогда для многих, но к счастью, не для всех, прикрываемый фиговым листком антисиионизма. Продолжение темы антисемитизма, окончательно принявшего форму антисиионизма в Госдепартаменте будет в четвёртой главе.

В *третьей главе*, которая как бы выпадает из заявленной темы, будет рассказано о невероятных событиях, которые привели Гарри Трумэна, героя следующей главы, малоизвестного сенатора от второстепенного штата к должности вице-президента США. Его необычайно важная роль уже в должности Президента США в борьбе за решение трагической проблемы перемещённых лиц, в нашем контексте — евреев, в послевоенной Европе и в са-

мой борьбе за создание и признание государства Израиль будет темой *четвёртой главы*.

В *пятой главе* я немного подробнее остановлюсь на нескольких малоизвестных эпизодах в решающее время для признания Израйля и о нынче, к сожалению, забытых американцах, которые сыграли значительную роль в принятии Резолюции №181, официального документа ООН о признании государства Израиль.

Наконец, в *шестой главе* я познакомлю с обсуждением «еврейского вопроса» в довоенных (Второй мировой войны) Соединённых Штатах и об общей истории антисемитизма в англоязычном мире к тому времени. Эта глава поможет лучше понять исторические предпосылки системного антисемитизма в американском обществе, который, безусловно, сыграл свою роль в решении «Палестинского вопроса» в 1945–1948 годах.

Предлагаемая читателям книга скомпонована из различных работ автора, опубликованных в течение последних двадцати лет на страницах сетевого портала-издания «Заметки по еврейской истории», под редакцией Евгения Берковича. Для этой книги все они были заново отредактированы. В текст добавлена новая информация, новые фотографии, уточнены некоторые детали и положения, сделана общая корректировка содержания глав и ссылок. В том числе сделаны изменения и дополнения с учётом замечаний и критики участников обсуждения на портале «Заметки по еврейской истории». Всем им, и, конечно, редактору портала Евгению Михайловичу Берковичу, искреннее спасибо.

Огромное спасибо моим многочисленным друзьям, особенно Михаилу Рейзу и жене — Марии Юдович, за их советы, критику и помощь в написании книги.

БЕРБЕРСКИЕ ВОЙНЫ

1

Государства, как и люди, могут «родиться в рубашке», или, как принято говорить в англоязычных странах — «с серебряной ложкой во рту».

Соединённые Штаты Америки — счастливое государство. Геополитика любой страны, как следует из определения [1], является функцией прежде всего её географического положения, демографии и экономики. Трудно найти страну с более удачной географией. Государству, которое в 1787 году назовут Соединённые Штаты Америки, от бога была дана естественная защищённость границ и разделение двумя океанами от всех конфликтных зон Старого Света, доступность и удобство речного и морского судоходства — самого дешёвого способа транспортировки продуктов производства и экспорта/импорта товаров [2], прекрасный климат и связанное с ним плодородие почв, обилие удобных для пахоты земель и девственных лесов, наличие всех необходимых полезных ископаемых. Не растеряв данного свыше, колонии ко времени своей независимости добавили такие геополитические преимущества как быстрорастущее трудолюбивое население и самую развитую и производительную культуру своего времени — англосаксонскую. Деятнадцатый век добавил к вышеперечисленному неистощимый источник энергии новых эмигрантов, непрекращающийся поток финансирования и новых технологий из Европы.

Политическая история и политическая традиция государства на длительном промежутке времени является практическим воплощением геополитики и всегда зависит от неё [3]. На основе геополитических реальностей возникает и развивается культура нации и её важная часть — религия. Но геополитические особенности, являясь базовыми, далеко не полностью определяют прак-

тический курс политической истории страны. Существует ещё один очень важный фактор, на который опирается и без которого невозможно представить внешнеполитический курс любой страны.

Имя ему—история страны и связанная с ней историческая традиция.

В этом очень важном аспекте Америка уступала любой европейской стране: у неё не было своей истории.

Как легко увидеть, изучая историю стран любого региона, их развитие и взаимоотношения опираются не только на геополитические основы и достигнутую экономическую базу, но и на достоверные исторические события прошлого (или, что то же самое — на исторические мифы), определяющие возникновение и/или переломные моменты истории страны, включая сюда и историю взаимоотношений со странами-соседями. И конечно, как следствие — на религию, фольклор, литературу, музыку, архитектуру, сложившиеся за многочисленные века и определяющие культурные и бытовые традиции народа. Эти традиции, в свою очередь, опираются на свою собственную национальную историю развития. Если сказать коротко: хотя политический курс страны фундаментально зависит от геополитических основ, но его невозможно детализировать, сделать предсказуемым как для внутреннего употребления, но ещё более — для внешнего, без учёта и опоры на историю страны.

Америка была слишком юной, чтобы всё это иметь. По существу, единственным историческим событием, ставшим общим мифом для некоторых из разобщённых колоний, была достаточно второстепенная история пилигримов, которой к обретению независимости было всего полторы сотни лет. Новая страна вряд ли могла состояться, не создав взамен несуществующей общей культурно-исторической традиции что-то другое, на базе чего можно было объединить население в единую нацию, которую мы сегодня называем «американской», или «американским народом» [4]. И такое «что-то другое» было найдено [5].

Это не произошло и не могло произойти быстро.

Фундамент американской идеи национального государства строился много десятилетий и опирался в свою очередь на два скальных основания. Первым — идеологическим — была история Революции, в гораздо большей степени основанная на истории

жизни и борьбы отцов-основателей, чем на самих исторических событиях. Эта идеологическая часть со временем стала опираться не только на реальную историю, но и на созданные народным сознанием мифы [6]. Второй опорой фундамента, на мой взгляд — материальной, и в этом радикальное отличие от других государств, были Основополагающие Документы, созданные отцами-основателями [7].

Эти две составляющие — история Революции/история отцов-основателей и Основополагающие Документы — стали частью национального сознания или, если угодно, национальным мифом, в разное время.

Создание первой составляющей оказалось долгим и совсем не простым делом. По существу, за очень длительный период, примерно с революционных 1770-х до послевоенных 1860-х, стране, несмотря на все усилия, удалось прорисовать только один общенациональный образ-икону — Джорджа Вашингтона [8] и не удалось создать ничего подобного общепринятой истории Революции.

А усилия были предприняты очень серьёзные.

2

В сфере создания национальной истории, так же как законодательства и администрирования, сказался американский федерализм: каждый штат писал свою историю как единственно важную или, в лучшем случае, решающую в победе. То же относилось к героям Революции. После Вашингтона, казалось бы, самыми очевидными кандидатами на общеамериканскую признательность были Джон Адамс, Франклин, Джефферсон и Гамильтон. Но это взгляд на историю из нашего времени, когда мы не принимаем во внимание ту свирепую политическую борьбу, из-за которой добрая половина страны в первые после-революционные десятилетия относилась к ним с большим предубеждением (каждая половина, соответственно, к своей жертве). Кроме всего, Франклина считали слишком большим космополитом, большая часть его политической активности прошла за границей, в самой Революции он почти не принимал участие. Его выдающиеся литературные работы и политические памфлеты были почти все написаны на французском и ждали 1830–40-х годов быть переведёнными и опубликованными в Америке. Совер-

шенно замечательная «Автобиография» [9] добралась до Америки только в 1868 году. Джон Адамс, роль которого была огромна в Революционное время, был первым Президентом, не переизбранным на следующий срок, к тому же совершивший несколько серьезных ошибок с формированием своей Администрации — этого оказалось достаточно для его быстрого вытеснения из национальной памяти. С Джефферсоном были свои сложности: он никогда, вплоть до глубокой старости, не считал себя американцем, везде в речах и письмах вне восьмилетнего периода своего президентства называл себя вирджинцем [10]. Немаловажно, что сам характер Джефферсона не без основания был предметом серьезных дебатов. Только в 1858 году после публикации Генри Рэндаллом трехтомной биографии третьего Президента Джефферсон занял место в пантеоне американской славы. Гамильтону, которого многие великие современники считали единственным политическим гением своего времени, не повезло ещё больше; по разным причинам, в том числе — из-за любовного скандала, закончившего его политическую карьеру, и преждевременной смерти на дуэли, его признали великим американцем только в начале XX-го столетия.

Поэтому первыми национальными героями после Вашингтона стали во многом хотя и замечательные, но второстепенные участники революционного времени. И самое главное — провинциальные. Первый из них — Патрик Генри, вирджинец, давший Революции один из двух её главных лозунгов [11]. Его политическая судьба была крайне противоречивой. Он начал свою деятельность в одной связке с Джефферсоном и Мэдисоном, но позже примкнул к партии федералистов Гамильтона и стал смертельным врагом своих старых друзей и соратников по Революции. После публикации в 1805 году вирджинским (естественно!) политиком, юристом и писателем Уильямом Виртом фундаментальной книги о Генри [12] он стал героем Вирджинии и в немалой степени в отсутствие других — национальным героем Америки. Это не устроило людей, живших в штате Массачусетс [13]. Поэтому немедленно жители Массачусетса (при поддержке других штатов Новой Англии), и в первую очередь бывший Президент Джон Адамс, стали создавать образ своего «национального» героя — Джеймса Отиса, роль которого в Революции, по их мнению, была существенно значимее. В 1823 году вышла книга бостончанина Уильяма Тюдора о жизни Отиса — и «справедли-

вость», по мнению массачусетцев, была восстановлена. Аналогичные процессы происходили и в других штатах; в результате на позицию национальных героев иногда выдвигались люди, для которых сегодня не нашлось ссылки в Вики.

Очень похоже развивались события по созданию общепринятой национальной истории Революции.

До Революции каждый штат имел свою историю, свою провинциальную традицию обращения к местным символам, героям, свои исторические книги. После Революции выяснилась одна странная особенность: отцы-основатели, люди во всех отношениях выдающиеся, практически не оставили после себя не только литературных или исторических описаний эпохи, но даже полноценных дневников, говорящих о событиях за пределами их штатов. Постоянно перемещающееся и часто сменяемое правительство с плохо хранящимися архивами и явно неадекватное отношение к сохранению документов Континентального Конгресса также оказалось важным негативным фактором. Кроме того, разрыв экономических отношений с Англией привёл к тому, что более чем на десятилетие практически прекратилось печатание книг, и, как следствие, к полной неопределённости местного книжного рынка в условиях недоступности рынка английского. Тем не менее в общественном мнении существует мнение о «полноте документов» революционной эпохи, что, конечно, во многом заслуга историков куда более поздних времён.

Работа по написанию послереволюционной истории началась, как всегда, в штатах после того, как в большинстве их были созданы «Исторические общества». Первым, создавшим такое общество в 1794 году, был Массачусетс, вторым и третьим — Нью-Йорк и Мэйн [14]. Работа обществ была, конечно, сосредоточена вокруг истории штатов в последние десятилетия. Но это уже была настоящая история, основанная на сборе тысяч и тысяч подлинных документов и очень профессиональной работе с ними. Вторым этапом стало обращение к биографиям как известных, так и не очень известных людей, явно пытаясь представить их национальными фигурами. В 1820–1827 годах появилась, например, «Биография людей, подписавших Декларацию независимости». В 1848 году, под редакцией Джаредта Спаркса была издана фундаментальная «Библиотека биографий американцев» в 25 томах, где по мысли редакторов были собраны исто-

рии жизни знаменитых американцев самого широкого географического представительства.

Вскоре стало понятно, что этого недостаточно и что такой путь может никогда не привести к созданию общенационального исторического нарратива. Интересно, что написанной американцами национальной истории ещё не было, но при этом существовали приличные американские историки и уже была известна богатая литература по этому вопросу за пределами Америки. Человек, более известный как выдающийся американский писатель, поэт и философ—Ральф Уолдо Эмерсон, был, может быть, первым американцем, которому удалось представить краткую, но связную и строго документированную историю создания страны в своей чрезвычайно популярной лекции «История», опубликованной в 1841 году [15]. Касаясь причины отсутствия других, более фундаментальных книг на эту тему, Эмерсон проницательно замечает, что объяснение может быть в самой республиканской идее «типичного представителя» (Representative Man [16]), вокруг «скучной жизни» которого гораздо сложнее написать связную национальную историю, чем, как в европейском случае, вокруг историй королей, королев и прочих людей с голубой кровью и «гламурной» жизнью. Дополнительным фактором был странный для нас сегодня факт—историк, пытавшийся написать что-либо «общеамериканское», воспринимался его окружением как не патриот и чуть ли не изменник своего штата.

В этих сложившихся условиях американцам, интересующимся общенациональной историей, не оставалось ничего другого как обратиться к написанному за рубежом, прежде всего—в Англии. А там исторических исследований на американскую тему хватало на все вкусы. В Annual Register, публикации партии Виггов, тщательно описывались подробности американской Революции с обязательным ежегодным обобщающим комментарием самого Эдмунда Бёрка. Все американские историки долгое время считали своей библией книгу английского консерватора (члена партии Тори) Джорджа Чалмерса «Political Annals of the Present United Colonies», которая была издана в 1780 году. Ещё одним значительным, хотя и вторичным [17] явлением в американской историографии, была книга англичанина Уильяма Гордона «История протеста, прогресса и установления независимости Соединённых Штатов Америки», напечатанная в 1788 году в Лондоне. Гордон был одним из участников революционных событий

в Америке (на стороне Америки), но издать свою книгу в Америке не смог.

И наконец, первую по-настоящему полную и признанную классической историей ранних лет Соединённых Штатов написал тоже иностранец, на этот раз итальянец — Чарльз Ботта [18]. Его книга «История Войны за Независимость», написанная на итальянском и изданная в 1809 году, была переведена на английский в 1820 году. Джон Адамс считал эту книгу лучшей из всех, а Джефферсон писал, что она станет «общим учебником нашей революционной истории» [19].

Сама же концепция *национальной* истории, начавшаяся с истории Революции, окончательно и органично вошла в сознание нации только после Гражданской войны 1860-х. Как широко известно, только после Гражданской войны страну стали воспринимать единой и называть, используя единственное число, и соответственно глагольную связку «is». До этого в английском языке после словосочетания Соединённые Штаты Америки употребляли «are» [20].

Так очень вкратце обстояло дело с трудным рождением первой составляющей общенациональной культурно-политической и исторической традиции молодой страны.

3

Совсем не так было с другой её важной составляющей — Основополагающими Документами.

Для Соединённых Штатов Америки, возникших на глазах мирового сообщества уже в эпоху широкого распространения печатного станка и прессы, освещающей каждое мгновение её жизни, список таких документов — очень короткий список — никогда не подвергался сомнению. К ним принадлежит Декларация независимости (1776), Конституция (1787), 85 статей, известных под названием «Записки федералиста» (*Federalist Papers* (1787–1788)), и прощальное Послание Джорджа Вашингтона (1796) [21].

Декларация независимости стала главным документом, объясняющим моральную сторону причин разрыва с Англией, обосновала саму необходимость разрыва и, как итог, провозгласила существование нового независимого государства.

Конституция — основной Закон государства, кроме всего прочего, узаконив разделение власти, наделила правом решать

внешнеполитические вопросы—с определёнными исключениями и ограничениями—исполнительную власть, олицетворяемую президентом страны.

Статьи Федералиста—замечательные политические трактаты, объясняющие уникальный характер предлагаемой системы политической власти в новом государстве, детализирующие, разъясняющие достаточно общие, краткие статьи Конституции.

Вышеперечисленные документы явились (и являются!) основой для понимания внутреннего политического и социального устройства американской жизни, её отличия от устройства жизни других государств. Ни в одном из первых трёх документов мы не найдём совета или указания каким образом и в каком направлении должна осуществляться внешнеполитическая деятельность нового государства (за определённым исключением статьи Федералист 11, написанной Гамильтоном).

Только последний из этих документов, прощальное Послание, которое часто называют политическим завещанием Вашингтона (Farewell Address) или в своей внешнеполитической части—Доктриной Вашингтона, кроме размышления о внутренней политической системе страны, открыто и определённо говорит о желательном направлении её внешней политики.

Важность прощального Послания невозможно переоценить. Это единственный документ, который зачитывался ежегодно с 1896 и вплоть до 1984 года, перед объединённой сессией Конгресса и Сената (а до этого в течение многих лет зачитывался не регулярно). Чтение происходило в день рождения Вашингтона, 22 февраля. С 1984 года, после того, как посещение объединённой сессии конгрессменами из-за отсутствия интереса (!) почти прекратилось, традиция сохранилась только в Сенате, где Послание зачитывает вслух один из сенаторов, при этом выбор сенатора чередуется по годам между республиканцами и демократами [22]. В этой связи полезно вспомнить, что же сказал первый американский Президент, какие предпочтения курса внешней политики он завещал американскому народу, интересам которого он служил более двадцати лет?

В интересующей нас внешнеполитической части Послания сначала идут общие, хоть и важные, соображения (я выделил курсивом некоторые места, на мой взгляд, важные для данного очерка):

«Проявляйте добрую волю и соблюдайте справедливость по отношению ко всем государствам. Поддерживайте мир и согласие со всеми. Религия и мораль поощряют такое поведение... В осуществлении такого плана ничто не является более существенным, чем отказ от постоянной, глубоко укоренившейся вражды по отношению к одним государствам и горячей привязанности к другим; вместо этого следует развивать честные и дружественные отношения со всеми. Государство, испытывающее по отношению к другому ставшую привычной ненависть или вошедшую в привычку симпатию, является в какой-то степени рабом. Оно раб своей вражды или расположенности, и каждое из этих чувств достаточно для того, чтобы сбить такое государство с пути, отвечающего его долгу и интересу. Антипатия, существующая в одном государстве по отношению к другому, легко располагает обе стороны к нанесению оскорбления или ущерба, нетерпимому отношению к малейшей нанесённой обиде, а также к заносчивости и несговорчивости при возникновении непринципиальных или незначительных споров. Отсюда частые коллизии, упорные, острые и кровавые столкновения. *Нация, движимая недоброй волей и негодованием, вопреки трезвым политическим расчётам иногда понуждает правительство к войне.* Аналогичным образом горячая привязанность одного государства к другому приводит к множеству нежелательных последствий. Симпатия к государству-фавориту, *способствуя иллюзии надуманного взаимного интереса в случаях, когда взаимные интересы в действительности отсутствуют,* и внушение одной стороне враждебных чувств по отношению к другой втягивают первую в участие в спорах и войнах второй без достаточных на то оснований или оправданий. Она также ведёт к предоставлению государству-фавориту привилегий, в которых отказано другим, что вполне может нанести большой урон предоставляющему уступки государству, безосновательно теряющему то, что следовало бы сохранить, и провоцирующему ревность, недобрые чувства и намерение отплатить сторицей у тех, кто лишён аналогичных привилегий; и тщеславным, продажным или введённым в заблуждение гражданам (посвятившим себя государству-фавориту) предоставляется возможность жертвовать

интересами своей собственной страны или предавать её и, не навлекая на себя позора, а подчас даже и обретая популярность, скрывать истинные основы безрассудных уступок тщеславию, коррупции или увлечению под маской благородного чувства долга, достойного похвалы уважения общественного мнения или похвального стремления к всеобщему благу. Свободному народу следует быть постоянно настороже ввиду опасности коварных уловок иностранного влияния (заклинаю вас верить мне, сограждане), *поскольку история и опыт свидетельствуют, что иностранное влияние является одним из злейших врагов республиканского правительства*. Но для того, чтобы эта настороженность приносила пользу, она должна быть непредвзятой, иначе она станет инструментом того самого влияния, которого следует избегать, вместо того чтобы быть защитой от него. *Чрезмерное расположение к одному иностранному государству и чрезмерная неприязнь к другому приводят к тому, что те, в отношении которых проявляются эти чувства, видят опасность лишь с одной стороны и не замечают козней влияния — с другой*. Истинные патриоты, которые могут сопротивляться интригам фаворита, становятся подозрительными и ненавистными, тогда как жертвы обмана удостоиваются аплодисментов и доверия народа, предавая его интересы».

Наконец наступает время для главного:

«Основопологающим правилом поведения для нас во взаимоотношениях с иностранными государствами является развитие наших торговых отношений с ними при минимально возможных политических связях. Поскольку у нас уже возникли обязательства, давайте будем их выполнять, проявляя добрую волю в полной мере. Но давайте тут и остановимся. Европа определила для себя ряд первостепенных интересов, которые либо не касаются нас, либо имеют к нам весьма отдалённое отношение. Поэтому ей приходится ввязываться в частые конфликты, причины которых, по сути, далеки от наших забот. Следовательно, неразумно для нас связывать себя искусственными узами с заурядными превратностями её политики или со столь

же заурядными коллизиями её дружественных либо враждебных отношений. Наше географически отдалённое положение позволяет нам придерживаться иного курса. Если мы останемся народом, полагающимся исключительно на себя, руководимым эффективным правительством, то уже недалеко время, когда мы сможем пренебречь материальным ущербом от исходящих извне неприятностей; когда мы сможем занять позицию, обеспечивающую тщательное соблюдение нейтралитета, который мы решим в любой момент объять; когда враждующие государства, осознавая невозможность сделать приобретения за наш счёт, не будут с лёгкостью нас провоцировать; когда мы сможем выбирать между миром и войной, учитывая собственные интересы, диктуемые справедливостью».

* * *

Послание Вашингтона стало теоретическим основанием важнейшей политической доктрины, долгие годы отличающей Соединённые Штаты от практически всех остальных стран Западного мира — *Доктрины Вашингтона* или по-другому — *Доктрины изоляционизма* [23]. (В дальнейшем повествовании я попробую показать, как с ростом экономической и военной мощи США неминуемо выхолащивался смысл Послания Вашингтона, оставшегося при этом чрезвычайно важным — действительно основополагающим документом для политической фракции, которая предпочитала самоизоляцию страны). Эту доктрину можно назвать доктриной трёх «не»: не вступать в интернациональные политические и торговые союзы (альянсы), не вступать в международные организации, не принимать на себя обязательства, связанные с решением военных, политических и экономических споров между другими странами или группами стран.

Основой Доктрины Вашингтона были геополитические и культурно-исторические особенности Соединённых Штатов, о чём достаточно ясно сказал сам Вашингтон. Политически Доктрина опиралась на глубокое убеждение большинства населения страны в том, что интересы свободы и демократии в стране могут быть утверждены и защищены без традиционно европейского, читай — военного, вмешательства в чьи-либо дела. Исторически, основы американского изоляционизма были заложены основа-

телем американской политической философии Томасом Пейном в «Здравом Смысле», где он привёл многочисленные аргументы против заключения формального союза борющихся за независимость колоний с Францией, в то время единственного реального союзника американцев.

Изоляционизм колониального и ранне-американского периода оказался настолько созвучным мнению масс и большинства политических лидеров эпохи, а также настолько важным политическим движением, доказавшим свою практическую пользу для страны, что остался одним из самых существенных характеристик американского общества и в другие, весьма отличные от конца XVIII века времена. Начиная с международных событий, последовавших сразу после ухода Вашингтона, каждая попытка страны вырваться из уз изоляционизма подвергалась жёсткой проверке на прочность, прежде всего, проверке на соответствие Доктрине Вашингтона, озвученной в его прощальном Послании. Дискуссии о том, оставаться ли в изоляции или принять активное участие в значительных международных событиях, всегда, во-первых, становились действительно общенациональными, во-вторых, разделяли страну на две яростно несогласные друг с другом части. Например, решение об участии США в Первой и Второй мировых войнах было принято во многом вопреки воле большинства американского народа и было основано только на конституционном праве исполнительной власти принимать окончательное решение [24].

Через двести с лишним лет нам легко проследить судьбу Основопологающих Документов. Декларация независимости была и остаётся моральным компасом нации, основой как её каждодневного прагматизма, так и очевидного идеалистического взгляда на настоящее и будущее. Конституция, претерпев существенные дополнения и многочисленные разъяснения Верховного Суда, осталась основным юридическим документом, на который завязана вся политическая и экономическая жизнь государства. «Записки федералиста» (*Federalist Papers*), наряду с работами Аристотеля, Платона, св. Августина, Монтескьё, Локка, Гоббса, Ж. Ж. Руссо, Дидро, заняли своё законное и незыблемое место в ряду важнейших политических трактатов о государстве в западной цивилизации.

У Послания Вашингтона судьба оказалась другой.

Глава вторая

АРАБИСТЫ

*По приезду в Соединённые Штаты
я больше всего был поражён религиоз-
ностью этой страны*

*Алексис Токвиль
«Демократия в Америке» (1835)*

Революционный период в США закончился примерно к 1805 году. Два года раньше была куплена Луизиана, а на самом деле — огромное пространство, удвоившее территорию страны. На этой территории сегодня расположено полностью или частично 15 штатов. После этой покупки безопасности США уже ничто не угрожало, и никто не угрожал. Напряжение и высокая энергетика революционного периода значительно уменьшились. Примерно в то же время протестанты страны осознали, что второе пришествие Христа, которое они ожидали к началу нового столетия, я бы сказал, с восторгом ожидали — откладывается. Казалось, что организационная и религиозная энергия юной страны тоже пошла на спад. Но как быстро выяснилось, протестанты просто взяли короткую передышку. В протестантской Америке наступил период, который после назвали Постмиллениум. Суть его была в том, что надо подготовить себя, церковь, общину и заодно людей всей земли к миру, братству и счастливой жизни, которая наступит через Миллениум, 1000 лет.

Эта идея стала основой теологического и общественно-реформистского движения «очищения», которое сегодня называют Вторым Великим Пробуждением (Первое Великое Пробуждение — *First Great Awakening* — было в 1730–1740 годах). Важной частью движения, той частью, которая была направлена на не американскую территорию, был христианский реставрацио-

низм. Его практическими исполнителями стали миссионеры, география их деятельности охватывала весь мир.

Ниже речь будет идти только о миссионерском движении на Ближнем и Среднем Востоке.

В этой части миссионерской истории было два достаточно известных начала — эмоциональное и рациональное. Эмоциональное случилось в 1808 году.

Оно стало известно как *Haystack Incident* и нам сегодня трудно понять, почему оно запомнилось и произвело такое сильное впечатление на живших в то время людей. Во время редкой по силе грозы пять студентов Уильямс колледжа в Массачусетсе решили проверить свою веру в Бога. Все знают, что на равнине молнии преимущественно бьют в выступающие натуральные или людьми сделанные возвышенности. Эти пять студентов, во главе с Самуэлем Милсом, во время грозы выбежали в открытое поле и спрятались в самом опасном месте, в одиночном стоге сена. Молнии били слева и справа, спереди и сзади, но ни одна не ударила в стог.

Ещё до того, но особенно после, Милс загорелся идеей улучшения мира, собственно говоря, этим он и остался известен: *«Даже если я и вы — слишком незначительные создания»*, — сказал он своим сообщникам по событию — *«мы не должны быть удовлетворены жизнью пока мы не распространим наше влияние на самые удалённые места на земле»*. Это событие и обращение Милса к своим друзьям произвели сильнейшее впечатление на окружающих и быстро стало легендой в таких дальних интеллектуальных центрах, как Гарвард, Йель, Браун и в теологических семинариях, включая знаменитый впоследствии Андовер (который открылся в сентябре 1808). Студенты начали писать родителям и в свои церкви с требованием начать сбор денег для миссионерской деятельности за границей.

И уже в 1810 была создана первая религиозно-общественная организация по поддержке иностранных миссий, American Board of Commissioners for Foreign Missions (*Американский Совет для связи с иностранными миссиями* — ABCFM). Она была создана на базе теологической семинарии Андовер, вернее, её организовали в основном лидеры Андовер. Эта организация останется самой важной в течение следующих примерно 100 лет (всего различных подобных организаций к 1830-м в стране было 24).

Леви Парсонс

У протестантов-миссионеров, конечно, были различные географические направления, а миссионерство католической церкви США шло своим отдельным путём и концентрировалось в основном на так сказать не религиозном мире Китая, Индии, других азиатских стран, Гавайев и Африки. Но эта глава рассказывает только о миссионерстве протестантов на Ближнем и Среднем Востоке.

Итак, эмоции—эмоциями, а реальные события случились 31 октября 1819 года на собрании в бостонской *Old South Church* (бостонцы хорошо знают эту церковь по знаменитому «Бостонскому чаепитию»). Слухи и ожидания от собрания буквально наводнили и возбудили весь Бостон, зал не мог вместить желающих и сотни пристроились у открытых окон снаружи церкви. Вместо привычного церковного священника на амвон поднялись два не очень складных 25-летних мало кому известных проповедника. Один из них, Леви Парсонс, начал свою проповедь в христианской церкви следующими словами:

«Те, кто учил нас и показывал путь к спасению, были евреями. Их вера сохранила Библию. Они верили, страдали и умирали, чтобы сохранить для нас нашу религию. Наш Бог, был их Богом... Они представили человечеству Спасителя. Да, братья, Тот, кто восседает перед тронем Бога—еврей!»

И так далее.

Но суть его проповеди была в следующем: чтобы выразить и исполнить благодарность евреям христиане должны сделать всё возможное для возвращения и воцарения евреев в их историческом библейском доме. Этот дом был в Палестине, в географическом месте, которое было дальней, малонаселённой, малоизвестной и заброшенной провинцией Османской империи. По мнению Парсонса Палестина после падения власти турок должна стать местом, куда устремятся евреи всего мира и вернут

Плиний Фиск

себе государственность и власть над принадлежащей им территорией. То есть, соберутся в одном месте, чтобы встретить Мессию. Что станет осуществлением первой части программы или мечты христианского мира на второе пришествие Христа.

Идея хорошая, но что делать с турками? Парсонс не предлагал идти войной и освобождать Палестину для евреев. Он предлагал свой интересный путь. Христианские миссионеры должны достичь священных стен Иерусалима, укорениться там, жить

праведно и совершить столько праведных дел, что евреи убедятся в истинности их веры и божественности Христа. А в день его прихода — примут его как Бога, как своего Мессию. И кстати, к евреям в одном порыве присоединятся мусульмане и даже эти заблудшие души — восточные христиане.

Прихожанам церкви речь Парсонса очень понравилась, но полный восторг случился после речи второго человека, Плиния Фиска. Он был выпускником теологической семинарии Андовер и колледжа Мидлбери.

Фиск не только повторил мотивы своего товарища, но объявил, что для искупления грехов перед евреями он отправляется на Святую землю, несмотря на все препятствия и опасности.

В этом событии, в его восприятии и в практических последствиях сошлось многое. И идеи Американской революции, и религиозная убежденность, что христианская Америка должна нести в мир луч света и «спасти» заблудшие души мусульман, евреев и атеистов, и миссионерские идеи Второго Великого Пробуждения, и идеализм молодых образованных людей, и пионерский дух юной страны, и попытка свободной конкуренции с другими ветвями христианства в стране без государственной церкви, и даже воспоминание о Крестовых походах. По существу, это был призыв к Крестовому походу в облегченном исполнении, ненасильственному возвращению Святой земли в лоно Церкви. А если в эти планы органично входит возвращение на Святую землю её истинных исторических обитателей, то так тому и быть.

Это само по себе удивительно уже потому, что абсолютное большинство американских протестантов никогда не видели живого еврея и уж совсем немногие когда-либо с ним общались. Не больше 4000 евреев жило в то время в Америке, что составляло четыре сотые процента.

Надо сказать, что идея реставрации не была чем-то новым в христианском мире. Были известны не только давние религиозные трактаты, тексты Джона Милтона, философские эссе Джона Локка, но и работы и высказывания американских теологов предыдущих поколений, включая лидеров Первого Великого Пробуждения Джона Коттона и Инкриза Мазера. Но, возможно, только с 1820-х старая идея стала рабочей доктриной протестантских церквей. Сыграла роль и новейшая история — проникновение на Ближний Восток армии Наполеона и победа в Берберских войнах: Османская империя уже не выглядела непобедимой.

Как бы там ни было, но в 1819 году оба — Фиск и Парсонс на корабле *Sally Ann* отплыли на Восток. Реально доплыть из Новой Англии в то время можно было только до Смирны — сегодня это турецкий Измир и по легенде — родина Гомера. Их хорошо приняли в греческой христианской общине, и в этом им очень повезло — они высадились в Смирне до начала греческого восстания за независимость. После чего отправились пешком в 500-километровое путешествие по христианским святыням в сторону Иерусалима. Они оба не отличались хорошим здоровьем, часто и тяжело болели и так получилось, что Парсонс добрался до Иерусалима первым. Как он утверждал, первым в истории американцем. Парсонс неожиданно был пригрет местными католиками, но потерпел полную неудачу в обращении в христианство кого-либо из примерно 10 тысяч иудеев. Хуже — он узнал, что даже попытка прозелитства мусульманина запрещена законом Османской империи и карается отсечением головы принявшего христианство.

Оставалось, правда, обращение в правильную веру неправильных христиан в греческой, друзской, ливанской маронитской, египетской коптской и армянской общинах и надежда на то, что вновь обращённые соседи мусульман станут для последних религиозным примером. Но даже помощь Фиска, который добрался в Иерусалим в 1821 году, не дала какого-либо заметного результата. К тому времени греческое восстание уже шло полным ходом, турки зверствовали на всей периферии империи, и Фиск

с Парсонсом чудом успели удрать в Анатолию и попасть на борт случайно оказавшегося там американского военного корабля. Оба были больны. Парсонсу на пути в Александрию становилось всё хуже и в феврале 1822 года он умер на руках Фиска.

После этого наступил краткий период активного распространения протестантской литературы Фиском и двумя миссионерами, посланными на смену Парсонсу. Литературу в огромных количествах привёз на Мальту корабль из Америки. Об одном из миссионеров написаны книги, это профессор Амхерста Джонас Кинг, второй—обращённый в христианство еврей Джозеф Вольф. В Египте и Ливане они раздали 900 Библий и около 4 тысяч других религиозных книг.

Во время этого турне Фиск был ранен в голову не очень дружественным мусульманином. Кинг вскоре вернулся в США, Вольф продолжил своё турне по Ближнему Востоку. А Фиск выжил и пока остался в Ливане, в полюбившемся ему Бейруте.

Надо заметить, что Бейрут—это главный город Ливана только в сегодняшнем географическом значении. Никакого Ливана тогда не было. Была в американском географическом представлении страна Сирия, или по-другому—Большая Сирия, куда входили сегодняшняя Сирия, Ливан, Палестина, Иордания, часть Ирака и южная Турция. Сами же арабы называли эту территорию *Аш-Шам*, то есть—Север.

С 1823 года началась новая эра или новая идеология американского христианского миссионерства в регионе. И началась она с того, что Фиск, который к тому времени свободно говорил на арабском и греческом, открыл первую американскую школу в Бейруте.

Если миссионеры не в состоянии обратить в христианство взрослых обитателей Ближнего Востока, то, может быть, надо начать с образования детей? Если дать им образование в западной традиции, ввести их в западную культуру, то, как надеялись миссионеры, в своё время это поможет им принять Христа.

В том же году произошло ещё одно знаменательное событие: в помощь Фиску были посланы выпускники Йеля и Дартмута—Исаак Берд и Уильям Гуделл. Но разница была в том, что они прибыли с семьями, с жёнами. *Американ Боард* решил, что женщины лучше мужчин подходят для работы в школах. В Бостоне

подготовка новых миссионеров шла полным ходом, там царило приподнятое настроение, но уже к 1825 году стало ясно, что никакого практического результата миссии в Бейруте и в других городах, включая Иерусалим, не дают. Несколько десятков друзей, армян и других восточных христиан за это время перешли в протестантство только из меркантильных соображений в расчёте на помощь, несколько обращённых мусульман было принародно казнено, или брошено гнить в тюрьмы. Даже евреи, как с возмущением узнали учителя школ, охотно брали религиозные книги только для того, чтобы продавать их как бумагу для закрутки папирос. И как завершение первого этапа закончилась жизнь Плиния Фиска. Разочаровавшись в своих возможностях в Иерусалиме, он решил закрыть миссию, но перед этим посетить Назарет. По пути он был избит арабами-бандитами, уже умирающим перевезён в Бейрут, где и умер. Так закончился 1825 год.

Последующие 25 лет неузнаваемо изменили Америку и Ближний Восток. К 1850 году Соединённые Штаты ещё раз увеличились — более, чем вдвое — распространились от линии Миссури-Миссисипи до Тихого океана, аннексировали Техас, наконец выиграли войну за Флориду и попутно стали совершенно другой страной, экономически, социально и религиозно. Ближний Восток тем временем вступил в эпоху войн, турбулентности и политической неразберихи, что сопровождалось ослаблением власти и влияния Константинополя. А значит, впервые в регионе начали возникать политические силы, борющиеся где за большую автономию, а где и за независимость. В создании таких новых политических центров и новой политической элиты большую, а вполне возможно и решающую роль сыграли американские миссионеры.

Об этом будет рассказано немного позже, но сначала ответим на очевидный вопрос: а была ли какая-либо другая направляющая интереса Америки к Ближнему и Среднему Востоку, кроме миссионерской? И прежде всего — государственная?

Короткий ответ: долгое время — нет. Хотя очевидные вялые попытки были. Взаимоотношения между самой старой из существующих в то время империй и самой молодой западной страной были какие-то обрывочные. Порта, как называли Османскую империю в США, не могла не интересовать Америку, это

абсолютно наглядно было показано миру Берберскими войнами. И хотя торговый оборот непрерывно рос и был в масштабах страны весьма значительным, но в отсутствие дипломатической поддержки американские торговые корабли, грузы и моряки подвергались как экономической, так и полицейской дискриминации. Ну, например, таможенные сборы были в два-четыре раза выше, чем для французов. Но установлению дипломатических, экономических и военных отношений на государственном уровне постоянно что-то мешало. Прежде всего, антиисламские настроения американцев.

Вначале, после того как стали известны факты об отношении арабов к христианам-рабам — напомним, что около полутора миллионов христиан было захвачено берберскими пиратами и продано в рабство своим султанам и халифам. А после — из-за горячей поддержки американцами восставшей Греции и фактами жестокого притеснения армян и других христиан, которые поддерживали греков в 15-летней войне.

Немаловажными были и дипломатические козни реально больших игроков в регионе — англичан и французов. Экономические и военные конкуренты им были не нужны, а дипломатического мастерства и опыта работы на Востоке у них было достаточно. Да и сами турки не очень хотели ослаблять важные связи с англичанами и французами, связи, построенные на взятках. И конечно, Порте не понравилась неуступчивость и агрессивность американцев во время Берберских войн.

Всё это обрывало попытки, начиная со второго Президента Джона Адамса, после и других президентов. Госсекретарь Джон Куинси Адамс, сын второго Президента, почти заключил договор в 1819 году. Но здесь возник «греческий вопрос» и общество однозначно и очень эмоционально стало на сторону восставшей христианской Греции, что опять привело к прекращению переговоров.

Казалось, что эмоции граждан, сбор довольно больших денег в помощь грекам, участие многих известных американцев в войне на стороне греков и даже настойчивое требование Конгресса признать независимую Грецию должны были остановить все попытки сближения с Портой. Но это не случилось. Американская дипломатия и прежде всего Госсекретарь Джон Куинси Адамс играли в сложную игру. Наличие в Османской империи

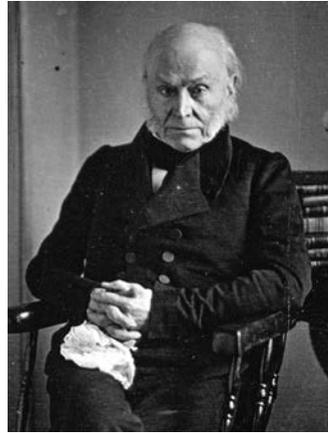
к тому времени уже сотен миссионеров, плюс торговые интересы надо было как-то учитывать. Да и географически далеко не вся Америка так уж переживала за греков. Новая Англия, например, не очень. Для торгового Массачусетса важнее были именно интересы торговли и миссионеров.

Но были ещё не менее серьёзные причины не вмешиваться в ту войну на чьей-либо стороне: это были *Завещание Вашингтона* и *Доктрина Монро*, автором которой тоже был Джон Куинси Адамс. По Доктрине, которую для простоты называли «Америка для американцев», США подтверждали своё невмешательство в европейские разборки при условии невмешательства европейцев в дела Северной и Южной Америк.

Доктрина была доведена до сведения европейских государств в декабре 1823 года и сразу же нарушить её, встав на сторону Греции, было и неприлично, и опасно. В результате США отменили какую-либо официальную помощь Греции. Это, конечно, придало вес Америке в Константинополе. А противоположное решение Англии и Франции помочь Греции, соответственно, сильно ослабило их статус у султана.

Джон Куинси Адамс решил, что настало подходящее время для переговоров.

Переговоры начались в конце 1823 года, их вели поочерёдно друг Адамса, дипломат-мусульманин Джон Инглиш, весьма легендарная личность в своих приключениях на Востоке — одно время он был генералом египетской армии (*Мухаммад Эфенди*), а затем переговоры вёл Командор Джон Роджерс. Взятки и восточная витиеватость Инглиша, суровая саксонская настойчивость Роджерса, бесконечные затяжки и сложная дипломатическая игра к июлю 1826 года как будто бы привели к Соглашению и Договору. Осталось только убедить султана его подписать. Роджерс провёл в Смирне больше года, ожидая решения султана. За это время многое изменилось и изменилось не в пользу Америки. Важной причиной изменений был сам новый американ-

Джон Куинси Адамс

ский Президент — Джон Квинси Адамс. Выдающийся дипломат и политический деятель до выборов 1824 года и очень посредственный Президент после них. В частности, в новой должности он так много лишнего наговорил в поддержку Греции и так часто оскорблял мусульман и, в частности, турок, что султан в сердцах заявил: *«Видите, как эти франки не выполняют свои обещания. Мудрее для нас уважить позицию Великобритании и отложить политический договор с Америкой»*.

Из того, что я знаю об Адамсе Втором, складывается впечатление, что сверхгрязная предвыборная борьба и президентская ноша сказались на его психике. К концу своего единственного срока он разругался со всеми, включая своего старого и близкого друга Джона Инглиша, единственного реального знатока Ближневосточного региона в его Администрации. Инглиш был со скандалом отозван, всеми забыт и умер в 1828 году. Его судьба напоминает судьбу Уильяма Итона, о которой рассказано в первой главе.

На президентских выборах 1828 года победил Эндрю Джексон. Но к тому времени произошли большие события в турецко-греческом конфликте. Политическая ситуация на Ближнем Востоке и вокруг Порты стала удивительно противоречивой, и в эту турбулентную воронку затянуло всех.

Во-первых, провинциальные арабские силы почувствовали слабину верховной власти империи и начали бороться за некоторые формы автономии. Во-вторых, великие европейские державы резко изменили свою политику и стали сторонниками сохранности Порты. Причина была понятной. В случае полного распада империи в Европе могла вспыхнуть новая война в борьбе за делёжку территориального наследия Порты. После Венского соглашения 1815 года, которое создало и поддерживало баланс сил между существующими империями, этого никто не хотел, этого боялись. Поддержка Греции во второй половине 1820-х резко ослабла, но турки в новой ситуации вовремя не сориентировались и совершили трагическую для себя ошибку. В очередной раз обидевшись на англичан, которые чем-то помогли Греции, они послали к берегам южной Греции огромный объединённый флот империи и Египта. 20 октября 1827 года под *Наварино* (город Пилос сегодня) флотилия мусульман была вдребезги разбита англо-франко-российским флотом. В результате Греция получила независимость и началось то, что

всегда происходило в Европе — драка при дележе обломков разбитой империи. Правда, ещё не окончательно разбитой. Отныне «турецкий вопрос» стал головной болью Европы на следующие 100 лет. Уже в 1829 году Россия оттяпала большой кусок Болгарии, а в 1830-м Франция колонизировала Алжир. Но и арабы не дремали: повстанческая арабская армия Мухаммеда Али, тесно связанная с Египтом, грозила маршем на Константинополь, в конце концов ограничившись в 1831 году оккупацией Сирии и Палестины.

Проигравшая уже не великая Порта, а просто небольшая Османская, но всё ещё империя, искала пути к выживанию. Америка, тем временем, вслух поздравляла победителей, но султану нужны были хоть какие-нибудь новые друзья в противовес великой тройке европейских держав. На эту роль Америка подходила. Америка подходила и на роль помощника в восстановлении османского флота. По оценке турецких специалистов военные корабли Америки значительно превосходили любые корабли европейцев, кроме равных им французских.

Пропуская интересные детали и сложности, в частности антиамериканские интриги англичан, подведём итог: в мае 1830 года, уже при Эндрю Джексоне, был подписан первый Осmano-американский Договор о свободе торговли и навигации, по которому, в частности, американцы обещали построить для турок значительное количество военных кораблей по заниженной цене. Вскоре в Константинополе вовсю заработала огромная полностью американская верфь, которая быстро построила для хозяев 11 линейных кораблей, 12 фрегатов и самый крупный в мире крейсер «Махмуд».

Главное же — это то, что с 1830 года практически на всей территории Османской империи находились представители американского государства, которые через консульства и посольство в Константинополе, через опосредованную силу военноморского флота США, постоянно барражировавшего в Средиземноморье, могли реально защищать интересы Америки, в том числе и интересы миссионеров на Ближнем Востоке.

Но пора вернуться к нашим миссионерам.

По разным причинам центром миссионерской деятельности в регионе стал Бейрут. Это несомненно был центр цивилизации

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В АМЕРИКЕ ОБ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ ДИСКУССИИ

[Еврейский вопрос]... конечно, не единственная проблема нашего времени, но... может считаться пробным камнем зрелости нашей цивилизации и её желания служить Добру.

Томас Манн [1]

Этнические, религиозные, национальные, идеологические разногласия и противоречия являются нормой в любом обществе. Время от времени такие противоречия могут привести — и часто приводят — к социальному взрыву. История очень многих стран полна подобными примерами. Это не только сравнительно редкие революции, включая революции религиозные, радикально изменяющие всё общество, но часто менее известные, менее заметные медленно усиливающиеся государственные притеснения этнических или религиозных меньшинств, которые, не будучи остановленные или ограниченные обществом, обычно заканчиваются кровью. Реформация и контрреформация в позднесредневековой Европе дали нам множество свидетельств подобных конфликтов. Ничего не изменилось и в новейшей истории: этнические чистки в Малой Азии — греков, армян, ассирийцев; частичное истребление индейцев в США (хотя в данном случае притеснения часто переходили в «нормальную» войну); инквизиция — вплоть до конца XVIII века, осуществляемая католической Церковью в Европе и Америках; геноцид в Перу, Мексике (Апачи против белых), Гаити (чёрные против белых), Австралии, Франции (Вандея — до полумиллиона жертв); африканский этнический и религиозный геноцид; сталинские этнические чистки (включая Голодомор) и идеологические погромы; еврейские погромы; этнические преступления и геноцид германского нацизма; балкан-

ский геноцид двадцатилетней давности, арабские мусульманские погромы против арабов-христиан — подобным примерам нет числа. Тем не менее, различные общества существенно отличаются отношением к таким разногласиям и особенно — степенью допускаемого в обществе антагонизма. Честное и открытое обсуждение подобных разногласий часто является главным фактором в их сглаживании и недопустимости кровопролития. Данная глава рассказывает об одном из таких обсуждений.

Настоящая глава состоит из трёх неравнозначных частей.

В первой, приводится мой перевод статьи из известного американского журнала «The Atlantic» [2]. Статья стала заметной вехой общественной дискуссии о причинах и возможных последствиях американского антисемитизма в предвоенных Соединённых Штатах. Это была не единственная и, возможно, не самая известная из дискуссий на эту тему. К примеру, двумя годами раньше в том же журнале прошло серьёзное обсуждение крайне противоречивого вопроса о межрасовых и межрелигиозных браках (в основном речь шла о браках евреев и неевреев) [3]. Но особую значимость дискуссии, о которой я хочу рассказать, придало имя автора статьи; в начале первой части я познакомлю читателя с её автором.

Вторая часть, существенно более короткая, коснётся развернувшейся критики позиции автора статьи. В этой же части *очень коротко и схематично* автор выскажет свои замечания о статье, ни в коей степени не пытаясь опровергнуть или поддержать основные тезисы автора. Причина такого ограниченного подхода следующая: я считаю, что сегодня несправедливо вступать в дискуссию по данному вопросу с абсолютно честным и ясно выраженным мнением более чем 70-летней давности. Мы знаем путь истории этих 70 лет, мы знаем, как история и судьба американских евреев опровергла многое из опасений и объяснений автора статьи. И уж тем более, он не мог предвидеть источник сегодняшней волны антисемитизма в Америке. Автор этого не знал, но тем более, удивительно, что многое, из им сказанного, актуально и сегодня.

И, наконец, в *третьей* части, которая вынесена в отдельное Приложение, я коротко коснусь истории антисемитизма в англоязычном мире. Главной целью третьей части, которую информированный читатель может пропустить, является попытка объ-

яснить, почему дискуссия, начатая статьёй, была действительно актуальной и в чём фундаментальное, на мой взгляд, различие американского и европейского антисемитизма.

ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ И САМА СТАТЬЯ

В июньском 1941 года номере уважаемого американского журнала *The Atlantic Monthly* появилось начало статьи писателя, критика и политического философа, очень известного в 1910–1940 годах. Публикации было предпослано следующее предисловие:

В этом и следующем номерах The Atlantic начинается дискуссия по проблеме чрезвычайной важности. Мы попросили господина Нока начать эту дискуссию, и мы приглашаем высказать своё мнение евреям и неевреям в надежде, что свободный и откровенный обмен мнениями поможет уменьшить напряжение [в обществе], в настоящее время до крайности высокое, и приведёт нас к осмысленному и более трезвому пониманию человеческой природы, лежащей в основе проблемы. — Редактор

Имя Альберта Джея Нока (*Albert Jay Nock*) сейчас почти забыто. но в 1910–1940-х годах он был одним из лидеров либертарианского движения в США и Европе, возможно, самым последовательным и бескомпромиссным. В редактируемом им журнале «Свободный человек» (*The Freeman*) [4] печатались многие знаменитые интеллектуалы своего времени и, пожалуй, все важнейшие теоретики того направления либерального капитализма, которое получило название либертарианства. Даже выборочный список авторов впечатляет: Чарльз Бирд, Уильям Г. Чемберлен, Томас Манн, Бернард Рассел, Торстин Веблен, Джон Дос Пассос, Линкольн Стеффенс, Г. Л. Менкен. Когда однажды один из авторов заметил, что, по его мнению, журнал является лучшим образцом либерального издания, Нок возразил, что *The Freeman* «является радикальным изданием, он занимает место в девственно новой сфере, вернее, в длительное время заброшенной и пустынной сфере американского радикализма» [5]. Журнал стал серьёзным явлением в литературной и политической жизни Америки, настолько серьёзным, что, дважды умирая, возрождался под тем же названием в последующих поколениях, нынешний является «внуком» журнала Нока.

Альберт Джей Нок
(1870–1945)

Журнал Нока закрылся через четыре с лишним года из-за финансовых трудностей, но несколько богатых спонсоров предложили редактору определённую стипендию для того, чтобы он занялся делом по своему усмотрению. Нок выбирает работу журналиста и в 1920–1930-е годы работает и живёт попеременно в США и в своём любимом Брюсселе, печатается в лучших журналах Америки и Европы. Все эти годы он одновременно продолжает свою писательскую деятельность. Одна за другой выходят книги об Артемисе Уарде (предшественнике Марка Твена), Франсуа Рабле (любимом герое Альберта Нока), Генри Джордже (важном политическом философе конца

XIX века). В 1928 году он публикует биографию Томаса Джефферсона; многие считают, что до сих пор никто не написал лучшую биографию одного из основателей США.

В начале 1930-х Нок уделяет все больше внимания вопросам влияния государства на жизнь общества и, в частности, влияния государства на образование (крайне негативное, по его мнению). В различных известных журналах появляются статьи, сделавшие его очень популярным. Одна из них, опубликованная в *The Atlantic Monthly* — «Стоит ли работать Исайей?» («*Isaiah's Job*») [6], регулярно переиздается в наши дни. Ещё одна популярная статья называлась очень характерно: «Наш враг — государство». Другая, основанная на курсе лекций, прочитанных в Бард колледже, называлась «Криминальное государство». Эта статья, позже расширенная в книгу, была написана под впечатлением идей немецкого социолога Франца Оппенгеймера. Основная идея книги Оппенгеймера, «*Der Staat*», заключалась в том, что существует только два пути накопления богатства — работа и грабёж, причём государство монополизировало второй способ. В своей книге, соглашаясь с Оппенгеймером, Нок тщательно разъясняет различие между управлением (правительством или администрацией) и государством: «первое возникло из насущ-

ной необходимости общества; его функция состоит в защите прав отдельных граждан, прав, данных им фактом самого их существования; единственная задача управления — администрирование правосудия. С другой стороны, государство является антисоциальной организацией, возникшей вместе с идеей и практикой захвата чужих территорий и, соответственно, с конфискацией частной собственности».

Незадолго до смерти (он умер в августе 1945 года) Нок написал свою самую известную книгу — «Воспоминания лишнего человека» (*Memoirs of a Superfluous Man*) — явно перекликающуюся с понятием, введённым в культурный оборот русской литературой; в конце 1940-х книга становится одной из самых читаемых по обе стороны океана. Это была очень необычная книга воспоминаний. «Единственная достойная цель автобиографии — запечатлеть ту или иную философию, которую автор приобрёл в течение жизни. Если при этом он находит необходимым показать, как его конкретный жизненный опыт привёл к определённой форме мысли, тогда допустимо нагрузить читателя некоторыми жизненными деталями; но устраивать перед публикой демонстрацию всего, что её не касается, является пошлостью». Книга, как писал его друг, «стала замечательной автобиографией идей» [7].

В последние годы жизни Нок был связан дружбой с нефтяным миллионером Уильямом Бакли-старшим и сыграл большую роль в формировании жизненных принципов его сына, Уильяма Бакли-младшего, известного консервативного писателя и публициста, редактора самого известного консервативного журнала послевоенного времени — «Национальное Ревью» (*National Review*). Нок оказал большое влияние на многих консервативных деятелей Америки, включая Эйн Рэнд. В современной Америке самым близким по духу к политической философии Нока является движение *Tea Party*.

Альберт Нок, скорее всего, был вундеркиндом. Он родился в 1870 году в семье рабочего-сталевара (который был одновременно священником Епископальной церкви, такое странное сочетание), пошёл в школу только в 13 лет. Но в доме было много книг, он прочёл их все ещё до школы; любимой, которую он выучил наизусть, был большой словарь Вебстера [8]. После нескольких лет в частной классической школе он поступил и закончил Бард колледж (сегодня — часть Колумбийского университета). Нок одинаково свободно говорил и писал на пяти языках — ан-

грийском, французском, немецком, латыни и греческом, свободно читал на иврите; со времён колледжа «мёртвые» языки оставались любимыми. Знание им античной литературы поражало современников. Он мог с любого места цитировать Платона, Сократа, Плутарха, практически любого известного древнего автора или философа, включая в их число философов средневековья, например, Монтеня или Эразма, любил декламировать отрывки из пьес и поэм античности. Считая себя музыкантом-любителем, он был одним из самых известных знатоков своего времени в музыкальном и оперном искусстве — «знал всех великих певцов и следил за их выступлениями в Неаполе, Санкт-Петербурге, Лондоне, Брюсселе и Вене. Знал все великие оркестры от Чикаго до Турина... и посетил большую часть европейских университетов... Он знал Ветхий завет на иврите» [9].

Нок был самым крайним и, исторически, одним из последних известных американских индивидуалистов, хотя сам себя в разное время называл то философом-анархистом, то радикалом, и с одинаковой яростью боролся с любым проявлением тоталитаризма: фашизмом, коммунизмом, марксизмом, большевизмом, гитлеризмом и так далее, считая их одинаковыми в главном — для них «государство — всё, человек — ничто». В сложившемся политическом курсе демократических правительств Запада Нок тоже не находил ничего хорошего, все они, по его мнению, стремились к усилению власти государства за счёт свободы человека. «Практическая причина необходимости свободы заключается в том, что свобода является, кажется, единственным состоянием, при котором могут возникнуть существенные моральные принципы. Человек перепробовал всё возможное... Идея наперекор опыту и логике, мы пробовали закон, принуждение и авторитарность всех оттенков, но так и не получили результата, которым можно было бы гордиться». Из всех возможных свобод он отдавал предпочтение свободе экономической, считая, что без экономической свободы все другие не могут удержаться в обществе долгое время, но если экономическая свобода достигнута, то невозможно лишить людей всех других свобод. Поскольку война автоматически усиливает роль государства и ограничивает свободу, то Нок уже в самом начале своей известности стал принципиальным противником любой войны и непримиримым противником участия в войне США. Это привело его в лидеры антивоенного движения ещё перед Первой мировой и сделало его,

возможно, ведущим интеллектуальным лидером движения изоляционизма в конце 1930-х — начале 40-х, когда Франклин Делано Рузвельт всё больше склонялся к помощи Англии. И раньше невысокого мнения о политике ФДР, Нок в предвоенные годы становится его личным и очень влиятельным оппонентом. В отличие от большинства американских консерваторов, Нок оставался противником войны и во время войны.

В этом была пикантность ситуации, когда *The Atlantic* предложил Ноку написать статью об угрозе роста антисемитизма в США. Как широко известно, по мнению изоляционистов и, в более широком плане, противников вступления в войну, именно евреи (и англичане) активно толкали ФДР и страну к войне. Тем не менее, Нок взялся за предложенную тему. Причины своего решения он объясняет в статье, но сегодняшнему читателю только из статьи и развернувшейся после неё дискуссии будет совершенно не ясно, почему, по мнению журнала и Альберта Нока, проблема антисемитизма стала чрезвычайно важной. Буквально — неотложной. Чтобы не отвлекать читателя от заявленной в заглавии темы, я расскажу об американском антисемитизме в довоенной Америке в Приложении к этой главе.

АЛЬБЕРТ ДЖЕЙ НОК: ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В АМЕРИКЕ

Часть первая

Замечание переводчика (статья и цитаты во второй части — мой перевод из трёх номеров журнала *The Atlantic Monthly*, июнь — июль — август 1941 года):

Статья Нока называется «The Jewish Problem in America». Английское слово «problem» редко переводится словом «проблема». Переводчик-профессионал пишет: «Слова „проблема“ и „problem“ не точно соответствуют друг другу по всем оттенкам смысла. На обоих языках это слово может означать вопрос, или дилемму, требующую решения. Но в определённом контексте эта русская „проблема“ приобретает иное значение, и тогда ей гораздо более соответствуют issues или questions» [10].

Мне кажется, что в данном случае, в контексте статьи, вполне возможно слово «problem» переводить русским словом

«проблема» хотя бы потому, что во время написания статьи «еврейский вопрос» уже явно превратился в «еврейскую проблему». Я буду пользоваться обоими вариантами. В названии статьи, тем не менее, я использовал традиционный перевод названия из Вики — «Еврейский вопрос в Америке»

Альберт Нок в своей статье пользуется некоторыми ключевыми выражениями, которые необходимо предварительно объяснить.

Modus vivendi — образ жизни, способ существования (существования), иногда предполагающий предварительное, часто — временное, соглашение.

Occidental people — люди европейского происхождения. Люди европейского (западного) мышления и стиля жизни.

Oriental people — люди восточного (азиатского происхождения). Люди не европейского (восточного) мышления и стиля жизни. В Oriental people не включают арабов, индусов и некоторых других. Сегодня этот термин в США приобрёл совершенно другой, оскорбительный смысл для американцев, выходцев из Юго-Восточной Азии. Существует дополнительная путаница между понятиями Oriental народами и Oriental культурой, в последнюю включают всю культуру Азии).

Статья Нока на английском языке снабжена рядом ссылок и пояснений в сносках — в переводе они опущены.

I

Мои читатели заслуживают объяснения, почему я взялся писать на тему, которая так очевидно далека от меня. Подобные темы, как правило, разрабатываются журналистами и публицистами, а не профессиональными писателями. Я с этим согласен, но, насколько я знаю, наши публицисты хранят полное молчание. Одна из причин, возможно, заключается в том, что публика ожидает от них слишком многого. От американского публициста ждут быстрого решения любой современной проблемы, что в данном случае очень трудно сделать. Читатели ожидают от него не только информации и просвещённого мнения, но и конкретного указания. Если он скажет: «Проблема заключается в том-то и в том, но понятия не имею, как её решить», — то читатели будут им недовольны и даже почувствуют себя обманутыми.

Послесловие

ВЗГЛЯД ИЗ СЛЕДУЮЩЕЙ ЭПОХИ

*А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.*

Анна Ахматова

Исторические века не начинаются с круглых дат и не совпадают с календарными. XX век, начавшийся с Первой мировой войны, был веком крушения империй и невиданного прогресса технологий, но для западного мира он был также веком отступления религии и торжества идей свободного рынка и универсальных прав человека. За только что закончившуюся первую четверть календарного XXI века померкла привлекательность обеих этих идей, и в воздухе повисло ощущение наступления новой эпохи.

Евреи, как канарейка в шахте, снова оказались в самой горячей точке этого перелома. Именно поэтому так злободневны собранные в этой книге эссе одного из лучших современных популяризаторов политической истории нового времени. Все они были написаны относительно недавно, когда еще было возможно делиться сокровенными мыслями с близкими и невозможно вещать в публичном пространстве то, что сегодня уже стало частью повседневного дискурса. Со времени написания этих эссе их актуальность только возросла.

Каждое из них посвящено одному из эпизодов ближневосточной саги, первый из которых начался еще в XVIII веке, а последний завершился к середине XX. Все они выписаны ярко и увлекательно, с характерным для автора широким охватом событий и упором на индивидуальные качества главных участников и, самое главное,

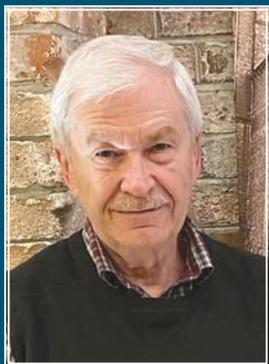
на моральную и этическую мотивировку их поступков. Собранные вместе, они иллюстрируют почти двухвековое столкновение высоких принципов американской политики как с реально существующими границами их применения, так и с меркантильными интересами.

В первых пяти главах книги подробно описаны эпизоды, в центре каждого из которых — одна или две коллизии. Первая из них — непредсказуемость последствий принятия ответственных политических решений, а вторая — противоречия между моральными принципами принимающих эти решения людей и такими факторами как их собственные корыстные интересы и ограниченность ресурсов, необходимых для реализации этих решений. Последняя коллизия резко обострилась сегодня в странах Запада, в первую очередь, за счет заметного смещения центра тяжести этой дилеммы в сторону корыстных интересов как у политического класса, так и у общества в целом.

Последняя глава и примыкающее к ней приложение посвящены предупреждению основоположника современного либертарианства Альберта Нока о грядущих вспышках антисемитизма в Америке и состоянию этой формы ксенофобии на бытовом уровне в первой половине XX века. Здесь поражает точность прогноза Нока, который ошибся только в одном: благополучие нашей страны неуклонно возрастало с тех пор, и мы только сейчас подошли к той черте, за которой сбываются его худшие опасения о перерастании этого явления из бытового в политическое.

Игорю Юдовичу удалось создать исчерпывающее повествование о каждом из этих эпизодов, охватывающее как внутреннюю механику взаимоотношений действующих лиц, так и их подход к формулировке и отстаиванию своих позиций в самых разных ситуациях реальной политической жизни.

Михаил Рейз

ИГОРЬ ЮДОВИЧ родился во время президентства Гарри Трумэна, и с тех пор Трумэн — самый уважаемый Игорем американский президент. Окончил Ленинградский политехнический, работал в Белоруссии и России на «стройках коммунизма».

Эмигрировал с семьёй в 1989 г., в Италии работал гидом на маршруте Флоренция—Венеция—Римини, и время от времени — в Риме и Сиене-Пизе. В Сан-Франциско двадцать шесть лет был ведущим инженером-механиком в большой электрической компании, а параллельно — гидом по городу и винной долине Напы—Сономы.

Написал около сотни статей по истории США, перевёл две книги на русский язык — в основном всё опубликовано на портале Е. М. Берковича «Заметки по еврейской истории». В 2013 издал книгу «Американский путь.

Люди, создававшие страну», в которой история Америки, эволюция «идей и стремлений» американцев показана сквозь призму персональных историй Джефферсона и Гамильтона, Адамса и Мэдисона, членов Верховного суда Брандайса и Франкфуртера, президентов Вильсона и Франклина Рузвельта.

Сейчас на пенсии, живёт в маленьком городке в штате Вашингтон вблизи Канадской границы.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена дипломатическим, религиозным, военным и политическим взаимоотношениям Соединенных Штатов Америки с государствами Ближнего Востока, а также социальным конфликтам и противоречиям в самой Америке.

Начиная с утверждения христианства, а затем ислама, проблемы региона были в основном религиозные. Примерно с конца XIX века главным и до нашего времени всё еще неразрешимым вопросом Ближневосточного региона стала так называемая «Палестинская проблема», проблема всё более политическая или, если использовать модный термин — геополитическая. «Палестинская проблема» тысячами связей переплетена с куда более древним «еврейским вопросом», на решение которого по-разному, часто антагонистически по-разному, смотрят евреи диаспоры, евреи вновь воссозданного Израиля, представители христианского и мусульманского мира.

Соединённые Штаты, имея большую еврейскую диаспору, не могли не оказаться вовлеченными в попытки решения или хотя бы сглаживания региональных проблем, очень важных для Великобритании, Франции, СССР и других заинтересованных стран. С возникновением в 1948 году государства Израиль, по существу ничего не изменилось, борьба интересов только усилилась. . .

